

УДК 81'367
ББК 81.2-2

Е.Л. Григорьян

«СКРЫТАЯ» КАТЕГОРИЯ КОНТРОЛЯ И СИНТАКСИС

Исследуется семантическая категория контролируемости (контроля) и её проявления в синтаксисе русского, английского и французского языков. Контролируемость оценивается как способ осмысления ситуации, а не как характеристика реального мира. Контролируемость/неконтролируемость рассматривается как континуум; в языках имеются специфические способы выражения неполного, ослабленного контроля. Также анализируется противопоставление потенциально- и фактического контроля.

Ключевые слова: *скрытые категории, синтаксическая семантика, контроль, диатезные преобразования, каузация, пермиссивы.*

Григорьян Елена Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: (863)2-666-359
E-mail: elgri@sfedu.ru

© Е.Л. Григорьян, 2010 г.

В синтаксической типологии последних десятилетий синтаксис рассматривается как способ кодирования (encoding) семантических и прагматических категорий. Когнитивная лингвистика – в части грамматической теории – также исходит из представления, что за различиями формальных структур всегда стоят содержательные различия [Langacker, 1988, 1995]. В этом плане представляют интерес так называемые «скрытые» категории, т.е. не имеющие формального морфологического показателя (в отличие от грамматических категорий в традиционном понимании), но в то же время существенные для грамматики, в первую очередь для синтаксиса [Булыгина, 1980].

В этом контексте представляет интерес вопрос об универсальности или лингвоспецифичности подобных категорий, а также анализ их семантического содержания.

Примечательно, что, насколько можно судить по литературе, в синтаксисе разных, в том числе неродственных и разносистемных языков, находит регулярное выражение один и тот же круг семантических категорий, в частности:

(а) семантические роли типа «агенса», «средства», «пациенса» и т.п. (список различен у разных авторов);

(б) более элементарные значения, часто (но не обязательно) рассматриваемые как компоненты ролевых значений, типа «намерение», «контроль», «причина», «изменение под воздействием» (affectedness) и т.д;

(в) некоторые параметры ситуаций: непосредственное / опо-

средованное воздействие (или наличие / отсутствие контакта), естественность / неестественность (т.е. нарушение естественного хода событий; иногда трактуется как «приложение усилий»), действие / состояние или динамичность / статичность и т.д.¹

Проявления этих категорий в разных языках могут не совпадать (но, кстати, часто совпадают), однако сам набор, по-видимому, является всеобщим.

Некоторые из этих категорий исследованы применительно к грамматике русского языка, например, при разработке классификации предикатов ([Булыгина, 1997а] и др.), в частности, категория контролируемости (контроля), которая и будет рассмотрена далее в различных проявлениях в русском и некоторых других языках.

Признак контролируемости часто включается в определение действия (по крайней мере, типичного) и в определение агенса. Сам термин получает различные толкования, которые не всегда эксплицируются, так как при опоре на языковое значение слова «контроль» многое кажется самоочевидным; во многих работах вообще не дается никакого определения. Признак контроля может приписываться партиципantu, причём контроллерами могут быть не только агенты [Klaiman, 1988]. Контролируемость, или контроль, может рассматриваться как признак предиката [Булыгина, 1997а], определяющий многие существенные свойства глагола, в том числе аспектуальные характеристики и сочетаемость. Thompson (1985) также рассматривает признак контроля как часть семантики глагольной лексемы, причем для большинства глаголов в английском языке немаркированным является значение контролируемого действия, тогда как в салишских языках наблюдается четкая противоположная тенденция. Также встречается трактовка контролируемости как свойства ситуации в целом, точнее, как признака её языкового концепта [Зализняк, 1985, 1992]. Однако следует отметить, что отнесение признака контроля к партиципantu, предикату или ситуации в целом мало связано с пониманием содержания этой категории, которое, как уже упоминалось, не всегда формулируется и нередко может быть реконструировано только по приводимым примерам и комментариям к ним.

Содержание признака «контроль» (или контролируемость) — там, где авторы вообще считают нужным его определять — связывается с возможностью партиципанта относительно начала и /или конца действия [Зализняк, 1985]; ср. [Булыгина, 1997а, с. 57]: «роль субъекта в отношении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей» — при такой трактовке, на наш взгляд, понятие контроля смыкается с каузальностью. Нередко контроль определяется как возможность вмешаться в ход событий и связывается с проявлением воли соответствующего участника. Более широкое определение дается в работе Klaiman, специально посвященной категории контроля в разных языках. Контроль связывается с партиципantom, участие которого представлено как определяющее протекание действия или его

исход (whose participation is seen as determining the action's course or its outcome) [Klaiman, p. 71]. Автор подчеркивает, что определение является рабочим, самым общим и приблизительным, но ему не противоречит языковой материал; что касается более точного определения, то оно возможно только применительно к конкретному языку, так как существуют значительные расхождения между языками в этом плане. В связи с этим из определения сознательно исключено упоминание одушевленности контролера и связи контроля с наличием воли, хотя отмечается характерность этих моментов для многих языков.

Г.А. Кустова, рассматривая разные виды неканонических действий, приходит к выводу, что существуют – и отражены в языке – разные виды контроля, имеющие в языке различные проявления, в связи с чем универсальный тест на контролируемость, по-видимому, невозможен. В своей статье она различает, в соответствии с двумя аспектами действия, интенциональный и денотативный контроль. «Действие имеет два аспекта: “денотативную составляющую” (то, что происходит в мире и чем “израсходован” денотативный интервал), и “интенциональное обеспечение” (то, что происходит в субъекте и что придает смысл затраченным усилиям и производимым в мире изменениям)» [Кустова, с. 146]. Интенциональный контроль, соответственно, связан с ментальными операциями (принятием решения, выбором схемы деятельности, выработкой автокоманд для реализации и – при необходимости – коррекции ситуации); денотативный контроль связан с затратой усилий. В идеальном случае существует корреляция между интенциональным контролем (объемом намерения) и денотативным контролем (объемом производимых изменений), однако многие действия не соответствуют этой схеме [Кустова, с. 146 – 147]².

Анна А. Зализняк, подчеркивая, что контролируемость характеризует не реальную ситуацию, а её языковой концепт, указывает, что контролируемость как свойство ситуаций в мире – понятие градуальное. Реально большинство ситуаций являются частично контролируемыми; контролируемость можно представить как континуум, в котором большинство ситуаций занимает место между полюсами; однако язык пренебрегает градуальностью и демонстрирует дискретное противопоставление +контроль/ -контроль, которое, таким образом, носит чисто конвенциональный характер [Зализняк, 1992, с. 141].

Из рассмотренного выше принципиальны следующие моменты: во-первых, признание контролируемости-неконтролируемости языковым значением, а не категорией реального мира; таким образом, при её определении следует исходить из языковых форм, а не из реальных положений дел. Как будет показано далее, нередко одна и та же реальная ситуация может быть представлена в языковых высказываниях как контролируемая, как неконтролируемая или же как частично контролируемая.

Следует остановиться на понятии частичной контролируемости. Возможны такие ситуации, возникновение которых не связано с волей

и действиями субъекта, но он может их предотвратить, прервать или способствовать им своими действиями; например, таковы ситуации падения, сна, болезни и т.п.: ср. *стараться (пытаться) заснуть/похудеть*. Об этом свидетельствуют примеры типа «Не простудись!», где изменение состояния, в принципе не определяемое волей субъекта, воспринимается как зависимое от его действий, его поведения, что и делает осмысленным употребление императива. В то же время в литературе форма совершенного вида в императиве рассматривается как показатель неконтролируемости и предлагается как один из тестов на контролируемость/ неконтролируемость (ср. *не забудь – *не вспомни*) [Булыгина, 1997а; Зализняк, 1992] и др. Приведенные примеры наглядно подтверждают лингвистическую релевантность разных видов контроля.

Что касается нашего собственного исследования, прежде всего необходимо разграничивать принципиальную контролируемость, т.е. возможность контроля, и фактический, реально осуществляемый контроль; кроме того, мы имеем дело не с оппозицией +контроль/ -контроль³, а с определенной градацией, причем значение неполного, ослабленного контроля имеет специфические формы выражения.

Русский, английский и французский языки располагают синтаксическими средствами для выражения ослабленного контроля, во многом сходными. Выбор иного подлежащего, нежели агенс, часто служит показателем не вполне контролируемого, машинального, неосознаваемого действия, ср. следующие примеры:

/1/ *Правая **рука** его, опиравшаяся на колено, вяло **дотронулась** до клавиш. Вышел какой-то аккорд, другой, третий...* (Л. Толстой).

Ср. *он дотронулся (правой рукой) до клавиш...*

Описано неосознанное действие человека, погрузившегося в задумчивость, что также подтверждается фразой *вышел какой-то аккорд*, описывающей результат как не зависящий от воли и усилий.

/2/ *Улыбка еще играла на его лице, еще слова какого-то анекдота **договаривали его губы...** Вдруг Ликоспастанов стал бледен и как-то сразу постарел* (М. Булгаков).

/3/ *He rocked it [the child] faster while **his eyes began to read** the second stanza* (Joyce).

Ср. *while he began to read.*

/4/ *Quiet descended on her, calm, content, as her **needle**, drawing the silk smoothly to its gentle pause, **collected** the green folds together and **attached** them, very lightly, to the belt* (V. Woolf).

Разумеется, такие ситуации не могут быть приравнены к типично неконтролируемым положениям дел, типа болезни или обморока: чтение, шитье, игра на рояле, естественно, не являются независимыми от человека неуправляемыми процессами. Примечательно, что подобные слабоконтролируемые (или не вполне контролируемые) действия могут даже быть намеренными, как в примерах /2/ – /4/.

Часто подобные конструкции, выдвигающие в качестве подлежащего актанта, обозначающий средство (орудие, часть тела и т.п.), не столько описывают действие, сколько указывают на внутреннее состояние деятеля, мысленно сосредоточенного не на своем действии или наблюдающего собственные действия как бы со стороны.

В таких же структурах значение контроля может быть ослаблено еще более, действие может быть представлено как неожиданное для фактического производителя:

/5/ *И тут я сам не заметил, как **руки мои открыли** ящик, где лежал злополучный роман (М. Булгаков).*

/6/ *Чувствуя, что **язык бормочет** вовсе не то, что хотелось бы высказать, приказчик махнул рукой (Чехов).*

/7/ *Montag's **hands picked up** the Bible. He saw what his hands had done and he looked surprised (Bradbury).*

/8/ ***His voice spoke** out of a storm and he hardly knew he was using it (Golding).*

Наконец, конструкции этого типа могут представлять действие, противоположное намерению и не поддающееся усилиям человека, т.е. в прямом смысле неконтролируемое, причем данное значение особо подчеркнуто.

/9/ *... **руки заработали** сами собой, и удержать их было невозможно (В. Распутин).*

/10/ *Но едва он сделал шаг, едва услышал издали веселый разговор дочери, как **ноги** его почему-то **не пошли** дальше (Г. Успенский).*

Ср. *Он не пошел дальше.*

/11/ *Кузьма побледнел и с ужасом подумал: «Сейчас брошу образа на пол»... Но **руки** его невольно **сделали** иконой крест в воздухе... (Бунин).*

/12/ *... This time he did not even know where the thing [the pistol] was aimed when it jerked and roared... only now, almost too late, springing in one frantic convulsion to catch **his hand** back before **it cocked and fired** the pistol on the last remaining cartridge by a simple reflex (W. Faulkner).*

/13/ *He had got to ask it, and yet it was as though **his tongue could not utter it** (Orwell).*

Естественно, так могут описываться только такие действия, которые являются в принципе контролируемыми, т.е. полностью управляемыми деятелем в обычных стандартных случаях.

В русском и во французском языках, кроме того, для выражения ослабленного контроля и неконтролируемых действий используются конструкции с возвратными глаголами, полностью аналогичные рассмотренным выше и хорошо описанные в литературе.

/14/ *Он звал кого-то, торопливо действуя **руками, которые, очевидно, размахивались** гораздо далее, чем он сам того хотел (Тургенев).*

/15/ **Спина** его мгновенно **согнулась**, лицо его моментально прокисло, голос замер, **руки опустились** по швам (Чехов).

Таким образом описывается даже не действие, а перемена внутреннего состояния. Ср. *он согнул спину, опустил руки по швам*.

Характер подобных конструкций отчетливо проявляется в тех случаях, когда они противопоставлены агентивным структурам:

/16/ Арина Петровна встретила сыновей торжественно, удрученная горем. Две девки поддерживали ее под руки; седые волосы прядями выбились из-под белого чепца, **голова понурилась и покачивалась** из стороны в сторону, **ноги едва волочились**. Вообще она любила в глазах детей разыграть роль почтенной и удрученной матери и в этих случаях с трудом **волочила ноги** и требовала, чтобы ее поддерживали под руки девки (Салтыков-Щедрин).

Во втором случае, так как речь идет о намеренном, контролируемом действии, невозможно *и в этих случаях ноги волочились с трудом.

/17/ *Les mains... ne se desseraient pas. Sarriette dut faire un violent effort pour les dütacher* (A. France).

/18/ *Mais aux instants difficiles la phrase s'interrompait et il ne savait pas s'il aurait le courage de poursuivre* (Rolland)

Ср. *il interrompait la phrase*.

В английском языке в этой функции также возможно использование рефлексивов, однако чаще употребляются так называемые симметричные глаголы, т.е. не меняющие своей формы в том случае, если подлежащим становится объект действия; во всем, кроме морфологического оформления, они аналогичны рефлексивам:

/19/ *One evening as he was about to put a morsel of corned beef and cabbage into his mouth his hand stopped. His eyes fixed themselves on the paragraph in the evening paper which he had propped against the water-carafe* (Joyce).

В данном примере представлены как рефлексив – сочетание с возвратным местоимением, так и симметричный глагол *stop*.

В русском языке возвратные конструкции такого рода могут быть безличными, действие в таком случае описывается как произвольное:

/20/ *Он и без того знает, что Меркулов дневалит, и предложил этот вопрос ни с того ни с сего, без всякого интереса; просто так себе, спросилось* (Чехов).

/21/ *Я не хочу пить, да оно как-то само собой пьется* (Чехов).

/22/ **Крикнул** я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну; само **крикнулось**... (Достоевский).

В последнем случае одна и та же ситуация описана двумя способами: как действие человека и как независимое от него стихийное проявление.

Кроме того, некоторые ситуации могут получить альтернативные описания как действия человека или как независимый от него процесс, уподобленный воздействию извне – в последнем случае подчеркива-

ется независимость от воли; в этом значении используется безличная конструкция, в которой фактический деятель уподобляется объекту воздействия внешней силы:

*/23/ Его, казалось, все занимало, но как-то так случилось, что ко всему он по большей части оставался равнодушен и только так слонялся по острогу без дела, **метало** его туда и сюда (Достоевский).*

Ср. также альтернативные способы описания в следующем примере:

*/24/ Но когда донес уж свой поклон, увидал, что возле нее стоит Ягужинский, Пашка. И тут герцога Ижорского несколько **отшатнуло**... Но **отшатнулся** герцог Ижорский всего на одну минуту... (Ю. Тынянов).*

Безличная форма подчеркивает произвольность, тогда как форма *отшатнулся* употреблена в предложении, говорящем о том, что субъект вновь обрел некоторый контроль над своим поведением.

Таким образом, в языке представлена определенная градация от полностью контролируемых действий до «представления действия как самодовлеющего, независимого от человека события» [Арутюнова, с. 806]. Действия с ослабленным, неполным контролем образуют некоторый диапазон – от действий, на которых человек не сосредоточен мысленно или результат которых не совпадает с ожидаемым, вплоть до действий, не совпадающих с намерением и не поддающихся усилиям, и до неуправляемых и неосознанных внутренних порывов. Характерно, что почти весь спектр ситуаций с ослабленным контролем выражается при помощи одного и того же приема – устранения агенса с позиции подлежащего (иногда соответствующий партиципant вообще остается неназванным).

Подчеркнуто неконтролируемый характер действия способствует тому, что оно не рассматривается как действие данного субъекта, хотя он и является фактическим каузатором данной ситуации, а либо приписывается другим актантам, которые могут в этом случае получить квазиагентивное и каузальное осмысление, или же может быть представлено как действие неназванных сил.

Довольно часто высказывается идея, что в русском языке мир, и даже ситуации, являющиеся прямым результатом действий человека, иногда предстают как независимые от него, не поддающиеся человеческому контролю и неподвластные его воле, и это оценивается как характерная черта русской языковой картины мира [Вежбицкая, 1996, Арутюнова, 1998]; однако очевидно, что и другие языки располагают средствами выражения такого же представления, и если набор синтаксических средств не совпадает полностью, то общий принцип – выбор иного подлежащего, нежели агенс – аналогичен и, безусловно, не ограничивается рассмотренными языками.

С другой стороны, для синтаксиса также небезразлично значение потенциального контроля (т.е. принципиальной контролируемости, возможности контроля), которое может быть использовано для объ-

яснения ряда явлений, в частности, некоторых нестандартных случаев приписывания агентивности, типа «Он сломал руку» или как в следующем примере:

/25/ *Clarissa, plunging her hand into the softness, gently detached the green dress and carried it to the window. She had torn it. Someone had trod on the skirt* (V. Woolf).

Несмотря на то что для приписывания статуса подлежащего при глаголе действия необходим каузальный элемент значения, и агентивность также является сильным условием [Григорьян, 1986], в подобных примерах действие приписывается тому, кто ничего не сделал и, более того, может восприниматься как жертва происшествия. Характерно, что во многих подобных случаях подразумеваются или даже эксплицитно указываются другие партиципаны, более непосредственно вызвавшие данное положение дел (так, в последнем примере человек, наступивший на платье, может, казалось бы, с большим основанием претендовать на роль агенса).

Возможно несколько объяснений для структур этого типа. Во-первых, по крайней мере некоторые примеры могут оцениваться как описывающие ненамеренную каузацию, причём часто косвенную и опосредованную, ср. [Булыгина, 1997б, с. 189], где в этом ключе рассматриваются примеры *сесть в тюрьму* и *освободиться из тюрьмы*; там же высказывается точка зрения, что возможности такой интерпретации ограничиваются немногочисленными конкретными глагольными лексемами и должны быть отражены в словарях. Из этого, между прочим, следует, что каузальные значения неоднородны, т.е. в одной ситуации могут быть представлены причины разного порядка и даже независимые друг от друга, в том числе разнонаправленные и вовсе не обязательно представляющие собой цепочку вроде тех, что используются при описании каузативных конструкций. В анализируемых примерах партиципant, трактуемый как агентивный, не совпадает ни с инициатором, ни с исполнителем действия и никак на них не воздействует; вместе с тем он мог косвенно способствовать возникновению ситуации своими действиями (как в примере *сесть в тюрьму*) или бездействием.

Thompson, оценивая аналогичные явления, трактует их как “non-control agents”, типа *I broke my arm, Harry got lost*, в отличие от пациентов типа *I got sick* или *Harry sneezed*, так как они предполагают всё же будущую ответственность агенса. Klaiman (1988) предлагает для подобных случаев наглядный термин «функция катализатора» (catalytic function): сопоставляя некоторые залоговые системы, автор указывает на функцию катализатора для некоторых партиципантов, которые, не будучи агенсами, тем не менее способствуют осуществлению действия. Эта функция связывается с возможностью контроля (а не фактическим контролем!). Такое объяснение применимо, в частности, ко многим рефлексивам в разных языках. Ср. также упоминаемый в работе [Van Valin, Wilkins. p. 312] пример: в некоторых языках при

глаголе со значением 'умирать' субъект не оформляется как агенс, что вполне объяснимо; однако тот же глагол в смысле религиозного мученичества может получить агентивное подлежащее, т.е. 'от рук других, но по своей воле'.

Из различных трактовок подобных явлений представляется предпочтительной интерпретация в терминах потенциального контроля, и в этом аспекте они могут быть уподоблены пермиссивам. Толчком для этих соображений послужила давняя дискуссия, возникшая на конференции по проблемам типологии в ИЯ АН СССР в январе 1991 г. на секции синтаксической типологии. Отправной точкой послужила близость пермиссива/каузатива и пассива во многих языках, где эти формы бывают неразличимы (факт широко известный и часто отмечаемый в литературе – см. [Недялков, Knott, Галямина] и др.). Обсуждались примеры из разных языков типа (букв.) «корова позволила себя подоить» (в смысле «корову подоили»), «он позволил автомобилю себя переехать» (т.е. «попал под автомобиль»), а также неоднозначные фразы, которые могут значить либо «они подверглись приходу медведя», либо «они сделали так, что медведь к ним пришел»; заметим, что последний пример полностью аналогичен английским каузативам с *have*: ср. *He had his car washed/stolen* [Shibatani]. Был приведен характерный немецкий пример с *lassen*, (букв.) «он позволил запереть себя в вагоне» применительно к ситуации, когда человек спал и не слышал, что вагон заперли. Это типично для пермиссива, который не подразумевает, что субъект что-то сделал для возникновения ситуации или в прямом смысле позволил. Возвратные пермиссивы особенно показательны в этом плане и, кстати, являются вероятным источником вышеупомянутой полисемии (или диффузности?) форм.

Хотя пермиссивы обычно рассматриваются как разновидность каузативов, во многих случаях едва ли возможно говорить о каузации, т.е. представить субъект соответствующей конструкции в качестве каузатора: во-первых, как уже отмечалось, обычно присутствует и нередко эксплицитно выражен другой каузатор или иная непосредственная причина; во-вторых, часто отсутствует какое бы то ни было действие со стороны соответствующего партиципанта, а возникающая ситуация, как правило, противоположна его намерениям. Представляется удачным определение пермиссива в [Мельчук, с. 379] – «не каузировать не...»; в качестве типичных пермиссивов приводятся английские формы с *let* и французские с *laisser*. Действительно, в большинстве случаев так описываются ситуации, в которых субъект не вмешался в независимый от него ход событий. Данное определение также подтверждается пермиссивами с отрицанием, которые обычно как раз и обозначают вмешательство. Именно из-за отрицательного (в большинстве случаев) характера каузации описание пермиссивов в терминах потенциального контроля (или ослабленного контроля) предпочтительнее их толкования как ненамеренной каузации.

В этой связи уместно обратиться к разновидности пермиссивов, представленной в ряде языков – адверсативам, обозначающим неблагоприятное происшествие, которое субъект навлек на себя в том смысле, что имел возможность его предотвратить, но ничего для этого не сделал ([Malchukov] и мн. др.), причем многие авторы указывают, что подобные конструкции неприменимы к ситуациям, вызванным непреодолимыми для субъекта обстоятельствами; ср., в частности, пример [Klaiman, 1991] из японского языка: возможно употребить так называемый *submissive verb construction*, или *adversity passive*, для ситуации «попасть под дождь»⁴, но невозможно для «стать жертвой землетрясения».

Подобная интерпретация приводится и для английского *get-passive*, в отличие от *be-passive*. Chappell связывает эту структуру с контролем, причем в слабом варианте, т.е. с потенциальной возможностью контроля: субъекты *get-passive*, хотя и не создали описываемую ситуацию, могли бы её избежать. Так, о человеке, который уехал в Израиль и там был призван в армию, можно сказать *he got drafted*, так как он должен был бы предвидеть последствия своего поступка, т.е. эмиграции; в то же время *get-passive* невозможен применительно к пассивным жертвам, полностью контролируемым со стороны других: *Half of the population of Campuchea was/*got annihilated under Pol Pot regime; Seven slaves were/*got bought* [Chappell, с. 415].

Такое объяснение приложимо и к другим случаям нетипичной и сомнительной агентивности, как приведенное выше «Он сломал руку».⁵ Наличие опосредованного контроля и связь с собственными действиями проступает при сопоставлении этого примера с другим, «Его сильно избили и сломали ему руку», который не может описываться как «Он сломал руку». Точно так же невозможно **он загубил свое здоровье в армии/в Чернобыле*, так как подобная формулировка предполагала бы какую-то активность, неправильное поведение, возможность выбора в тех обстоятельствах, иного развития событий, если бы субъект вел себя иначе. Таким образом, если ситуация рассматривается как результат действия непреодолимых обстоятельств, то приписывание статуса подлежащего соответствующему партиципantu и уподобление его агенту невозможно. Похоже, что значение потенциального контроля является минимальным условием для возможности приписывания агентивности.

Оба объяснения – ненамеренная каузация и потенциальный контроль – в принципе совместимы и пересекаются, так как контроль обычно связан с каузацией; вместе с тем представляется обоснованным мнение, опирающееся на данные ряда языков, что контролировать ситуацию может не только тот, кто ее создал [Klaiman, 1988]. Кроме того, если приписывать каузальное значение партиципantu, который не создает ситуацию, а только косвенно ей способствует или создает предпосылки, в том числе и бездействием, то само понятие каузации становится предельно размытым и неопределенным⁶; впрочем, эта

проблема требует отдельного рассмотрения. В некоторых из приведенных выше примеров можно также усмотреть значение «ответственности», которое хотя и соотносится в типичном случае со значениями контроля и каузальности, однако вовсе не обязательно связывается с тем партиципантом, «вклад» которого в создание ситуации является решающим [Григорьян, 2000].

Изложенное выше позволяет обосновать некоторые положения. Во-первых, значение контроля следует рассматривать не как характеристику предиката, а как характеристику денотативной ситуации, так как рассмотренные выше явления совместимы с глаголами, описывающими в принципе контролируемые действия, и именно эти глаголы сочетаются и со значениями ослабленного контроля и неконтролируемости. То, что признак контролируемости характеризует ситуацию в целом и не является постоянным свойством предиката, отмечается также в работе [Булыгина, 1997а, с. 100–101] в связи с другим явлением – возможностью приписывания контроля над неконтролируемыми в типичном случае ситуациями и применительно к предикатам, которые по семантике и по набору грамматических свойств коррелируют с неконтролируемостью. Во-вторых, контроль является градуальным понятием, и в различных языках представлен достаточно широкий диапазон средств, в том числе синтаксических, для выражения неполного (ослабленного) контроля.

Примечания

¹ Значения, приведенные в последней рубрике, отмечаются в работе Dixon применительно к варьированию валентностей и в первую очередь к каузативам разных типов; работа подводит итог рассмотрения многих разнотипных языков [Dixon]. См. также [Kirsner].

² Другими словами, производимые изменения не полностью зависят от воли субъекта и не полностью определяются его усилиями.

³ Ср. противоположное утверждение А.А. Зализняк, упомянутое выше.

⁴ Выражается соответствующей формой от глагола со значением ‘выпадать’ (об осадках).

⁵ Такие примеры сближаются с пермиссивами и get-passive ещё и на том основании, что субъект также является экспериентом (experiencer), причем обычно жертвой неблагоприятного воздействия.

⁶ Надо заметить, что такое понимание каузации встречается: Talmy определяет невмешательство (невоспрепятствование) как особый способ каузации – non-impingement [Talmy, p. 302].

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи// Аспекты семантических исследований. М., 1980.
Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке//

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997а.

Булыгина Т.В. Типы каузации и лексикографическое описание русских каузативов// Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997б.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание М., 1996.

Галямина Ю.Е. Акцессивно-рецессивная синонимия показателей залога и актанта деривации// Исследования по теории грамматики. Вып.1: Глагольные категории. М., 2001.

Григорьян Е.Л. Семантические и прагматические аспекты диатезы. АКД. М., 1986.

Григорьян Е.Л. Значение ответственности в синтаксическом представлении// Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния : дис. ...канд. филол. наук. М., 1985.

Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни// Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действия в терминах контроля// Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии : в 2 т. Т. 2. М. Вена, 1998.

Недялков В.П. О связях каузативности и пассивности// Вопросы общего и романо-германского языкознания: учен. зап. Башкирского госуниверситета. Серия филол. наук. Уфа, 1964. № 9 (13).

Chappell H. Is the get-passive adversative? // Papers in linguistics. 1980. Vol.13. № 3.

Dixon R.M.W. A typology of causative form, syntax, and meaning// Changing valency. Case study in transitivity. Cambridge, 2000.

Kirsner R.S. Iconicity and grammatical meaning// Typological studies in language. Vol. 6. Iconicity in syntax. Amsterdam, 1985.

Klaiman M.H. Affectedness and control: a typology of voice systems// Typological studies in language. Vol. 16. Passive and voice. Amsterdam, 1988.

Klaiman M.H. Control and grammar// Linguistics. 1991. Vol. 29. № 4.

Knott J. The causative-passive correlation// Subject, voice, and ergativity. London, 1995.

Langacker R.W. A view of linguistic semantics // Topics in cognitive linguistics. Amsterdam, 1988.

Langacker R.W. Cognitive grammar // Concise History of Language Sciences From The Sumerians to Cognitivists. Cambridge, 1995.

Malchukov A.L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive// Causatives and transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 1993.

Shibatani M. Passives and related constructions: a prototype analysis // Language. 1985. Vol. 61. № 4.

Talmy L. Force Dynamics in Language and Thought // Chicago Linguistic Society. 1985. Papers from Regional Meeting 21.

Thompson L.C. Control in Salish grammar// Relational typology. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.

Van Valin R.D. jr., Wilkins D.P. The case for "Effector". Case roles, agents and agency revisited// Grammatical constructions, their form and meaning. Oxford, 1996.